

УДК 327

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32022105112>

ШИИТСКИЕ ОБЩИНЫ В ЕВРОПЕ: УМЕРЕННЫЕ VS РАДИКАЛЫ. ЧАСТЬ 1

Александр Иванович Шумилин

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

Ссылка для цитирования: Шумилин А.И. Шиитские общины в Европе: умеренные vs радикалы. Часть 1 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №3. С. 105-112. DOI: 10.15211/vestnikieran32022105112

***Аннотация.** Автор статьи фокусирует внимание на недостаточно изученной экспертами и аналитиками теме – роли шиитского фактора в религиозной и политической жизни мусульманских общин стран Европы. Такое положение отчасти объясняется немногочисленностью шиитских общин и повышенной лояльностью большинства их членов властям страны пребывания в сравнении с общинами суннитов, которые намного более многочисленны и имеют более длительную историю сосуществования с коренным населением на европейском континенте. В рамках исследования проблематики исламского радикализма и экстремизма в Европе в предыдущих номерах «Вестника» подробно рассматривались структура, система и особенности деятельности там ячеек и организаций международной ассоциации суннитского толка «Братья-мусульмане». Им практически открыто покровительствуют такие государства, как Турция и Катар, а пытаются разоблачать в глазах европейцев и ограничить влияние «братьев» в Старом Свете Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет и ряд других арабских государств. За шиитскими радикалами в Европе стоят, понятно, Иран и опекаемые им группировки типа «Хезболлы», а также международные организации мусульман-шиитов. Автор констатирует усиление радикальных настроений в шиитских общинах стран Европы. Это обусловлено не только усилиями парамилитарных структур Ирана, экстремистской «Хезболлы», но и во многом (как ни парадоксально) сближением между радикалами суннитского и шиитского толков на европейской территории.*

***Ключевые слова:** сунниты, шииты, Иран, Саудовская Аравия, Катар, Евросоюз, мусульманские общины, терроризм, экстремизм.*

Статья поступила в редакцию: 30.06.2022.

SHIITE COMMUNITIES IN EUROPE: MODERATES VS. RADICALS. PART 1

Alexander I. Shumilin

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mideast@bk.ru, ORCID: 0000-0003-1778-4828

For citing: Shumilin, A.I. (2022). Shiite communities in Europe: moderates vs. radicals. Part 1. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 27(3): 105-112. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran32022105112

Abstract. *The author of the article focuses on a topic that has not been sufficiently studied by experts and analysts – the role of the Shiite factor in the religious and political life of Muslim communities in Europe. This situation is partly due to the small size of the Shia communities and the increased loyalty of most of their members to the authorities of the host country in comparison with the Sunni communities, which are much more numerous and have a longer history of coexistence with the indigenous population on the European continent. As part of the study of the problems of Islamic radicalism and extremism in Europe, the previous issues of the Bulletin examined in detail the structure, system and features of the activities of the cells and organizations of the international association of the Sunni Muslim Brotherhood there. They are almost openly patronized by such states as Turkey and Qatar, and Saudi Arabia, the UAE, Egypt and a number of other Arab states are trying to expose in the eyes of Europeans and limit the influence of «brothers» in the Old World. Behind the Shiite radicals in Europe are, of course, Iran and groups like Hezbollah sponsored by it, as well as international organizations of Shiite Muslims. The author notes the strengthening of radical sentiments in the Shiite communities of European countries. This is due not only to the efforts of Iran's paramilitary structures, extremist Hezbollah, but also in many respects – paradoxically – the rapprochement between Sunni and Shiite radicals on European territory.*

Key words: *Sunnis, Shiites, Iran, Saudi Arabia, Qatar, European Union, Muslim communities, terrorism, extremism.*

Article received: 30.06.2022.

Мусульманские общины в странах Европы всё очевиднее превращаются в поле противостояния по самым разным азимутам: со светскими властями, с религиозными радикалами другого вероисповедания (христианами или иудеями), с иными этническими группами единоверцев, с единоверцами другого религиозного толка, между выходцами из разных стран исхода, наконец, между мусульманами умеренных взглядов и радикалами. При этом всё чаще в этой среде заявляет о себе *исламизм, т.е. идеология и практика использования религии в политических целях.*

Совершенно очевидно, что линии идеологического разлома внутри мусульманских общин явно контролируются руководством стран Ближнего Востока, подчёркивающим свою приверженность определённой политико-религиозной концепции. Ближневосточные государства стараются использовать эти общины или их часть, чтобы воздействовать на процессы в сферах политики и экономики в странах Европы. В ряде предыдущих номеров «Вестника» были рассмотрены линии и градус противостояния в суннитских общинах стран Европы (Шумилин 2021; Шумилин 2022). В целом это выглядит так: Турция и Катар пытаются оказывать влияние на европейские общества через структуры ассоциации «Братья-мусульмане» и их сторонников (градус радикализма в этой среде заметно возрастает); Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет и ряд других арабских стран выступают против «братьев», создавая собственную инфраструктуру влияния (мечети, культурные центры, факультеты в университетах, медийные проекты), поощряя так называемый «умеренный исламизм».

Это противостояние характерно для суннитского сегмента мусульманских общин. Повышенное внимание властей стран Европы к радикальным элементам суннитских общин во многом объяснялось тем фактом, что последнюю серию терактов там (во Франции и в Австрии в 2020 г.) совершили группы, связанные с «Исламским государством» (запрещённая в России террористическая организация, члены которой заявляют себя приверженцами исламского фундаментализма суннитского толка). В последнее время, однако, эксперты и аналитики уделяют всё больше внимания радикальным элементам шиитских общин в европейских странах. Связано это с активизацией экстремистских группировок, созданных проиранскими формированиями на Ближнем Востоке, главная из которых – ливанская «Хезболла».

Особенности шиитских общин в Европе

Численность шиитов на территории стран Старого Света относительно невелика – их порядка 5 млн человек или 12-15% от общей численности мусульман там (Esposti 2021). В основном это выходцы из Ирана¹. Подавляющее же большинство мусульманских общин (85%) в Европе составляют сунниты. Примечательно, что в такой же пропорции сторонники этих двух течений в исламе соотносятся на региональном (ближневосточном) и глобальном уровнях. Массовый прилив шиитских беженцев и переселенцев в страны Европы происходил намного позднее, чем из числа суннитов: если последние активно прибывали в 1950–1970-е гг. («трудовая миграция» и объединение семей), то первые начали обосновываться там в массовом порядке после 1979 г. Основной причиной, понятно, стала исламская революция в Иране, от последствий которой пытались избавиться бегством немало жителей этой страны (Who Dares Wins... 2016). Данную волну эмиграции можно справедливо назвать политико-идеологической, поскольку бежали в основном люди проевропейских взглядов от надвигавшейся, как они это воспринимали, атмосферы религиозного мракобесия на родине.

Исторически одно из важных отличий шиитской иммиграции в странах Европы от суннитской состоит в следующем: с появлением внушительных доходов от начавшихся в 1950-е гг. разработки и экспорта нефти и газа правительства при шахе Реза Пехлеви в большом количестве направляли иранских студентов на обучение в американские и европейские университеты в рамках программы социально-экономической модернизации страны (по сути её «вестернизации»). К началу исламской революции 1979 г. таковых в странах Европы насчитывалось порядка 65 тыс. человек (плюс ещё около 40 тыс. в США и Канаде), подавляющее большинство которых остались в стране пребывания (Великобритания, Западная Германия, Франция, Австрия и Италия). К ним в последовавшие после революции месяцы присоединялись родственники. Ряд исследователей склонны считать именно данный феномен «студенческой иммиграции» первой волной беженцев из Ирана (Nakimzadeh 2006), а начавшийся вскоре за ней массовый отток иранцев за границу – второй волной. Её составляли главным образом чиновники шахской администрации и их семьи, бизнесмены, люди социалистических и либеральных взглядов. Стремилась эмигрировать немало семей с молодыми людьми (в попытке избежать призыва на военную службу в ходе разыгравшейся в 1980-м г. войны Ирана с

¹ Как особое направление теологической мысли и религиозной практики в исламе шиизм возник во второй половине VII в. среди арабских племён, поддерживавших Али ибн Аби Талиба, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммеда. После суннизма это сегодня второе направление в исламе по числу последователей, которые считают правоверными имамами только тех, кто происходит из рода пророка Мухаммеда. Они не согласились с тем, что первыми преемниками пророка после его смерти стали соратники и сподвижники Мухаммеда, а не его родственник Али. В XVI в. шиизм стал государственной религией Персии. Его приверженцы совершают паломничество в Эн-Наджаф (Ирак) (к могиле халифа Али), в Кербелу (место гибели и захоронения Хусейна) и в Мешхед (к гробнице имама Али ар-Ризы). По имеющимся оценкам, шииты составляют порядка 16% от общего числа мусульман в мире.

Ираком), а также девушек и молодых женщин, которые становились объектом дискриминации по гендерному признаку. Исследователь данной проблемы Ширин Хакимзаде (Иран) подчёркивает следующее: «Наличие дочери становилось определяющим фактором при принятии семьёй решения бежать из страны, поскольку постреволюционные власти обязывали женщин носить хиджаб, ограничивали в получении образования и принуждали к покорности в отношениях с мужчинами» (Hakimzadeh 2006). В целом эта волна эмиграции из Ирана состояла в основном из профессионалов, предпринимателей, учёных, словом, олицетворяла «утечку мозгов».

Помимо прямых и отдалённых по времени последствий исламской революции аналитики считают одной из причин наблюдавшейся на протяжении 1980-х гг. эмиграции из Ирана затяжные боевые действия между ним и Ираком (развязанная Багдадом война длилась с 1980 по 1988 г.). По сути, речь идёт о комбинации факторов, выталкивавших многих иранцев из страны: политика аятолл в процессе консолидации режима вызывала протесты и отторжение со стороны части дееспособного населения (особенно людей с либеральными, проевропейскими взглядами, распространявшимися при шахе) – этих людей режим стремился в первую очередь мобилизовывать и отправлять на фронт под лозунгом «защиты родины и ислама». Не удивительно, что в данных условиях многие граждане предпочли покинуть страну.

Примечательна и такая причина следующей достаточно впечатляющей волны оттока иранцев из страны, как вторжение международной коалиции во главе с США в соседний Ирак в 2003 г. Тогда мотивация беженцев сводилась главным образом к опасениям, что после свержения Саддама Хусейна Вашингтон и его союзники попытаются избавиться и от режима мулл в Тегеране. Реальных оснований для подобного поворота событий было немного, но формально на протяжении 1990-х гг. и вплоть до вторжения в Ирак в 2003 г. Вашингтон проводил в регионе политику «двойного сдерживания» – Ирака и Ирана одновременно (Шумилин 2020).

В отличие от описанных волн беженцев, связанных преимущественно с идеологическими соображениями, миграционные потоки в XXI в. в большей степени объяснялись стремлением людей улучшить своё материальное положение (в условиях международных санкций в отношении Ирана), обеспечить «достойное будущее детям». Но сказывалось и желание небольшой части эмигрантов избавиться от тиранического режима на родине, то есть потребность в атмосфере свободы (Who Dares Wins... 2016). Именно это сочетание мотивационных факторов, считают авторы доклада международного аналитического центра *SeeFar* под названием «Кто рискует, тот побеждает. Мотивации принятия решений мигрантами из Ирана» (2016), лежат в основе «всплеска» (*surge*), мощной миграционной волны иранских беженцев в направлении Европы в 2015 г. «В последнем квартале 2015 г. иранцы входили в первую пятёрку национальностей среди беженцев, запросивших убежище в десяти странах – членах Евросоюза. С мая по октябрь 2015 г. количество иранских просителей убежища увеличилось более чем в четыре раза. В тот период первичные инстанции по предоставлению убежища в большинстве стран ЕС признали иранцев категорией мигрантов “нуждающихся в защите”», – подчёркивается в докладе *SeeFar* (Who Dares Wins... 2016).

Таким образом, в отличие от мусульманских общин суннитов в Европе, которые в своём большинстве сформировались на базе так называемой «трудовой миграции» 1950–1970-х гг., шиитские общины в немалой степени складывались на идеологической основе в атмосфере критики и отторжения теократического режима в Иране. Тем не менее соответствующие государственные структуры в Тегеране и контролируемые ими организации в странах Ближнего Востока (например, «Хезболла» в Ливане) заметно активизировали в середине 2000-х гг. усилия по расширению своего влияния на иранскую и в целом шиитскую диаспору в странах Ев-

ропы. Главным инструментом мобилизации европейских шиитов эмиссарами Тегерана становилась концепция их радикализации – хомейнизм.

Хомейнизм и шиитские общины Европы

Первые послевоенные десятилетия шиитские общины в Европе оставались неблагоприятными объектами для работы с ними иранских властей даже с помощью «мягкой силы». Со временем, однако, ситуация менялась: новые поколения иранцев, рождённые в странах Старого Света, в поиске своей идентификации оказались перед дилеммой: либо стремиться к максимальной европеизации, предполагающей отказ в значительной степени от своих национальных корней, либо пытаться выстраивать идентичность посредством баланса между сохранением этих корней (в той или иной мере) и принятием принципов и образа жизни европейцев.

Пошедшие вторым путём объективно влились в потоки движений всех мусульманских диаспор за сохранение своей идентичности, выдвигая европейским властям требования «уважать особенности и традиции последователей пророка Мухаммеда, почитать ислам, отказаться от дискриминации мусульман в повседневной и политической жизни европейских обществ». Одновременно «европеизированные иранцы» смягчали критическое отношение к политике властей в Тегеране – хотя бы потому, что они не испытывали на себе тяжесть репрессий, которую извели когда-то их родители и подвергаются сегодня граждане в этой стране.

Обращаться к своим религиозным корням подталкивала европейских шиитов и обстановка на Ближнем Востоке, которая на протяжении последних десятилетий – и особенно после свержения режима Саддама Хусейна в Ираке в 2003 г. – всё больше характеризуется нарастанием противостояния между ведущими суннитскими (арабскими) странами и шиитским Ираном¹. А начиная с 2015 г. важнейшим пунктом отношений Евросоюза с Ираном была и остаётся сегодня так называемая «ядерная сделка» – Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), достигнутый между властями Ирана и «пятеркой» постоянных членов Совбеза ООН плюс Германия. Иными словами, «большая политика» – ближневосточная или европейская – вынуждала шиитские общины занимать позиции, высказываться и постепенно вовлекаться в политические процессы в странах пребывания.

Со временем часть шиитских общин смягчила и свою критику главной политико-идеологической концепции Тегерана – хомейнизма (Имаков, Семедов 2011). Большинство идей основоположника Исламской республики аятоллы Рухоллы Хомейни, сформировавших в итоге вполне органичную мировоззренческую основу «обновлённого шиизма», ориентированы на шиитские сообщества, прежде всего в самом Иране (тотальная исламизация общества и страны в целом). Но есть в этой концепции и внешнеполитические аспекты, которые ряд аналитиков склонны называть основами «стратегической культуры» (*Strategic Culture*) Исламской республики, создающей идеологические рамки для внешней политики Ирана. В целом, заключают они, эта культура носит ревизионистский характер, поскольку нацелена на разрушение существующего миропорядка, став, по сути, манифестом отрицания либеральных ценностей и основ демократии западного образца (Parchami 2022).

Западной цивилизации Хомейни противопоставил «культуру сопротивления», одним из важнейших элементов которой является шиитский принцип *mazlumiyat*. Чаще всего его интерпретируют как *обязанность угнетённого (человека или народа/нации) восстать против угнетателя и несправедливости* (Parchami 2022). К категории подлежащих свержению угне-

¹ Подчеркнём, что именно на совместном понимании необходимости противостоять «экспансии Ирана» в регионе в последние годы достигнута соглашения между ведущими суннитскими монархиями и Израилем.

тателей Хомейни относил и правящие кланы в арабских монархиях, которых аятолла определял как «коррупцированных лакеев Запада» (Khomeini 2002).

«Если верить риторике представителей иранских властей, то первейшей целью (“обновлённого шиизма” – А.Ш.) является восстановление достоинства и высокого статуса Исламского мира путём создания условий, благоприятствующих “мусульманскому пробуждению”», – пишет Али Парчами, автор упомянутого аналитического доклада под названием «Восприятие мира Ираном: стратегическая культура Исламской республики». Заметим, что именно словосочетанием «мусульманское пробуждение» характеризовало руководство Ирана политические потрясения так называемой «арабской весны» 2010–2015 гг.

Небезосновательно принято считать, что главными выгодоприобретателями из событий первых лет «арабской весны» стали группировки и организации «Братья-мусульмане» (БМ). Напомним также, что иранское руководство активно поддерживало восставших против диктаторов и коррупцированных властей в арабских странах. А свой первый зарубежный визит Мухаммед Мурси, тесно связанный с БМ и избранный на «весенней» волне президентом Египта, нанёс в Тегеран. Его пребывание в Иране стало одним из самых ярких свидетельств связей между БМ и руководством шиитской державы.

Об истории тесных отношений между «братьями» (особенно в Египте) и шиитами написано не мало. Особенно впечатляют такие эпизоды, как посещение в 1938 г. молодым Хомейни (ему было 36 лет) Хасана аль-Банна, основателя египетской и впоследствии международной ассоциации «Братья-мусульмане». Другой эпизод: организаторы убийства египетского президента Анвара Садата в ноябре 1981 г. не просто находились под впечатлением исламской революции в Иране (1979 г.), но и рассчитывали повторить её в Египте, убийством президента побудив людей выйти на улицы городов (Parchami 2022). Этой цели террористы не достигли, но именем их казнённого лидера Халида Ахмеда Шауки аль Исламбули названа улица в Тегеране.

Несмотря на различия в интерпретации некоторых исламских догм, членов БМ и религиозных фундаменталистов в Иране всегда объединяло немало общих целей. В первую очередь это установка на восстание против диктаторов, узурпаторов и коррупционеров во власти. Но не менее важно второе утверждение фундаменталистов: на место свергнутых правителей-коррупционеров должны прийти правители «с чистыми руками», конечно, из числа религиозных деятелей, ибо – и это, можно сказать, главный принцип и лозунг обоих партнёров – «Ислам – это решение». Опыт постреволюционного Ирана, как и кратковременное нахождение у власти в арабских странах представителей БМ (в частности, в Египте и Тунисе), показывает, что данный тип исламских фундаменталистов суннитского или шиитского свойства предлагает сторонникам и населению своих стран вполне конкретные решения насущных проблем, копируя образцы времён «зари ислама». Чаще всего это справедливо назвать мракобесием.

Сторонников такого рода «решений» в шиитских, как и в суннитских, общинах в странах Европы сравнительно немного, но питательная среда для них имеет тенденцию расширяться. В первую очередь это связано с нарастающей напряжённостью между политическими элитами в странах Евросоюза, твёрдо придерживающимися принципа светскости общественной жизни, и исламскими радикалами внутри общин. Последние, явно спекулируя «правом мусульман» в любом месте придерживаться поведенческих стандартов, прописанных в Коране, только провоцируют и подогревают данный конфликт. Как правило, радикалы делают это не только осознанно, но и под контролем своих покровителей – в случае с шиитами это государственные структуры Ирана и ливанской группировки «Хезболла».

Распространение идей и установок хомейнизма в странах Европы осуществляется через официальные структуры образовательно-просветительского профиля, главная из них – Университет Аль-Мустафа в Иране, филиалы которого функционируют в ряде стран Евросоюза. Вторая важная площадка – Всемирная ассамблея Ахль аль-Бейт, неправительственная организация, действующая во множестве стран мира с целью объединения усилий шиитских клерикалов и установления контактов между шиитскими общинами. На организационно-оперативном уровне в странах Европы действуют представители «Хезболлы», признанной террористической в ряде стран Евросоюза и США, направленные туда её так называемым Отделом внешних сношений (ОВС). По утверждениям представителей разведок стран ЕС, эмиссары ОВС замечены в причастности как к криминальной (наркотрафик, контрабанда), так и к террористической деятельности (Citrinowicz 2020). Данни Ситринович, старший научный сотрудник Института международной дипломатии в Израиле, автор доклада под названием «Радикализация на службе революции: Иран, “Хезболла” и шиитское население в Европе», так определяет суть работы иранских структур в шиитских общинах Старого Света: «Цель приобщения шиитских общин к хомейнизму состоит в том, чтобы использовать их тремя способами. Лояльные Ирану шииты могут оказывать политическое давление на европейские правительства, прибегая к манипулированию демократическими механизмами. Второе: эта часть шиитских общин может быть использована для поддержки “Хезболлы” посредством сбора финансовых средств и направления рекрутов. Наконец, она может рассматриваться Корпусом стражей исламской революции (КСИР) и другими госорганами Ирана как логистическая инфраструктура для криминальных и террористических действий» (Citrinowicz 2020).

* * *

Шиитские общины в странах Евросоюза представляют собой особый феномен. В них заметно преобладание более лояльного к европейским властям отношения, что объясняется историей и социальным составом этих сообществ. Подчеркнём, что они формировались на протяжении 1980–1990-х гг. как факторы оппозиции режиму аятолл, как политическая и идеологическая альтернатива ему. Однако со сменой поколений аналитики фиксируют некоторое изменение настроений среди родившихся в Европе иранских шиитов – они менее критичны в отношении режима в Тегеране, чем были и остаются их родители. Этим пытаются воспользоваться госструктуры и спецслужбы Исламской республики, чтобы оказывать давление на европейскую политику, манипулируя демократическими механизмами. Появляющаяся прослойка шиитских радикалов, в отличие от суннитских сообществ в Европе, формируется под воздействием экстремистских группировок типа «Хезболлы» и спецслужб Ирана. Следовательно, эта радикальная составляющая на европейском пространстве может представлять не меньшую угрозу, чем отвергнутые большинством суннитов такие экстремистские группы, как «Аль-Каида» и «Исламское государство». Во второй части статьи мы рассмотрим методы воздействия иранских властей на шиитские общины в Европе в направлении их радикализации.

Список литературы / References

Citrinowicz, D. (2020). Radicalization in the Service of the Revolution: Iran, Hezbollah, and the Shi'ite population in Europe. Report №19. 12.2020. Available at: <https://www.abbaeban.runi.ac.il/post/radicalization-in-the-service-of-the-revolution> (accessed 30.06.2022).

Esposti, E.D. (2021). Finding a «Shi'a voice» in Europe: minority representation and the unset-

tling of secular humanitarianism in the discourse of «Shi'a rights». *Religion, State and Society* 4-5(49): 402-417. DOI: 10.1080/09637494.2021.1995275

Hakimzadeh, S. (2006). *Iran: A Vast Diaspora Abroad and Millions of Refugees at Home*. Migration Policy Institute. 01.09.2006. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/iran-vast-diaspora-abroad-and-millions-refugees-home> (accessed 30.06.2022).

Khomeini, R. (2002). *Islamic Government: Governance of the Jurist*. Tehran: TICPIKW: 7-94.

Parchami, A. (2022). *An Iranian Worldview: The Strategic Culture of the Islamic Republic*. *Journal of Advanced Military Studies* (13): 9-23.

Who Dares Wins Understanding the decision-making of irregular migrants from Iran. SeeFar. 07.2016. Available at: <https://seefar.org/wp-content/uploads/Seefar-Who-Dares-Wins-Iranian-Refugees-Irregular-Migration-to-EU.pdf> (accessed 30.06.2022).

Имаков, Т., Семедов, С. (2011). Хомейнизм – идеология политического ислама // *Россия и мусульманский мир* (5): 123-135. [Imakov, T., Semedov, S. (2011). Khomeinism – the ideology of political Islam. *Russia and the Muslim world* (5): 123-135. (in Russian).]

Шумилин, А.И. (2020). США–ИРАН: между «максимальным давлением» и «героической гибкостью» // *Мировая экономика и международные отношения* 7(64): 69-79. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-69-79

Шумилин, А.И. (2021). «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 1 // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* 24(6): 147-154. [Shumilin, A.I. (2021). Muslim brotherhood in Europe: between religion and politics. Part 1. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 24(6): 147-154. (in Russian).] DOI: 10.15211/vestnikieran62021147154

Шумилин, А.И. (2022). «Братья-мусульмане» в Европе: между религией и политикой. Часть 2 // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН* 26(2): 140-148. [Shumilin, A.I. (2022). The Muslim brotherhood in Europe: between religion and politics. Part 2. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 26(2): 140-148. (in Russian).] DOI: 10.15211/vestnikieran22022140148